PT 2392
.L2 Z4
1849

LIBRARY OF CONGRESS
00002344476

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Cyr 4-PT69

17579
2.

НѢСКОЛЬКО ОТРЫВКОВЪ

ИЗЪ

ДНЕВНЫХЪ ЗАПИСОКЪ

ЛАВАТЕРА.

ПЕРЕВОДЪ.

Н. Р.

J'ai desiré faire du bien, mais je n'ai pas desiré faire de bruit parceque le bruit ne fait jamais de bien, comme le bien ne fait jamais de bruit.

МОСКВА,
въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1849.

НѢСКОЛЬКО ОТРЫВКОВЪ.

Lavater, Johann Caspar, 1741-1801.

НѢСКОЛЬКО ОТРЫВКОВЪ

ИЗЪ

ДНЕВНЫХЪ ЗАПИСОКЪ

ЛАВАТЕРА.

ПЕРЕВОДЪ.

Н. Р.

J'ai desiré faire du bien, mais je n'ai pas desiré faire du bruit, parceque le bruit ne fait jamais de bien, comme le bien ne fait jamais de bruit.

(*Le Philosophe inconnu, 740 pensées*).

МОСКВА,
въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1849.

PT 2392
.L2Z4
1849

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 1849 года Марта 22 дня.

Цензоръ Николай Зерновъ.

88-179658
08-30-88
EP62

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Прежде нежели мы предложимъ читателямъ нашимъ нѣсколько отрывковъ изъ дневныхъ записокъ благочестиваго Лаватера, найденныхъ по смерти его и получившихъ извѣстность, почти сорокъ лѣтъ спустя послѣ оной,—представляемъ разсужденіе о нихъ редактора извѣстнаго журнала: Le Semeur, 1841, 3-ème Novembre, № 44.

Мы увѣрены, что добросовѣстность и безпристрастный взглядъ рецен-

зента обратятъ, безъ всякаго сомнѣнія, особенное вниманіе благомыслящихъ читателей на духъ, въ которомъ Лаватеръ писалъ свои записки и чистѣйшее намѣреніе, коимъ онъ руководствовался.

Журналъ Лаватера можетъ служить, по всей справедливости, образцемъ для тѣхъ, кои искренно желаютъ достигнуть до важнѣйшаго изъ всѣхъ знаній — это познанія самихъ себя.

Конечно не много такихъ людей, кои бы такъ внимательно занимались разсматриваніемъ самихъ себя, такъ тщательно слѣдили за собою, какъ Лаватеръ, у котораго каждая мысль, каждое побужденіе не оставались никогда неизслѣдованными и

не исчезали безотчетно, замѣняясь другими послѣдующими идеями.

Къ сожалѣнію мы не имѣли возможности собрать болѣе этихъ записокъ; но мыслящій читатель и въ предлагаемыхъ здѣсь найдетъ много пищи для сердца и разума; вотъ слова рецензента:

«Многіе изъ тѣхъ, кои знаютъ Лаватера, какъ автора извѣстной книги о Физіономіи, не знаютъ можетъ быть, что среди ученыхъ и литературныхъ занятій его, основаніе его жизни, наилучшая часть его времени протекла въ скромныхъ занятіяхъ и обязанностяхъ пастора въ городѣ Зюрихѣ, и что должность эта была для него самою драгоцѣннѣйшею изъ всѣхъ его обязанностей.

«Во второй половинѣ XVIII столѣтія, въ самый величайшій разгаръ невѣрія и раціонализма, онъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ и сильнѣйшихъ защитниковъ истиннаго христіанства и дѣйствительности сообщенія съ міромъ невидимымъ. *Журналъ Искренности* (Geheimes Tagebuch), изъ котораго мы предлагаемъ читателямъ нашимъ нѣсколько отрывковъ, можетъ служить къ изученію человѣка, который личностію своею и своими сочиненіями, произвелъ сильное и необыкновенное вліяніе на религіозную и литературную публику Германіи, и имѣлъ ближайшія связи и соотношенія съ отличнѣйшими мыслителями оной. Знаменитый Гёте былъ искреннимъ другомъ Лаватера.

При словѣ *Журналъ Искренности*, разумъ устремляется естественнымъ образомъ къ тѣмъ твореніямъ, кои въ этомъ родѣ служатъ типомъ — это творенія Руссо и Блаженнаго Августина. Но сердечныя изліянія Лаватера не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ какимъ-либо подражаніемъ. Исповѣданія (Les Confessions) Руссо были возгласомъ высочайшей гордости; а Блаженнаго Августина торжествомъ глубочайшаго смиренія: оба писателя занимаются въ особенности прошедшимъ; философъ Женевскій дабы еще усладиться и упиться мефитическими (а) испареніями прежнихъ своихъ страстей; Святитель Гиппонійскій, дабы уни-

(а) Смрадный, удушающій.

чтожиться предъ Богомъ, прославить и восхвалить Того, Кто извлекъ его изъ глубины духовной нищеты. Всѣ ощущенія и даже самая радость у Августина, отсвѣчивается покаяніемъ; восторги и восхищенія возрожденнаго никогда не принимаютъ участія въ блаженствѣ и земномъ счастіи человѣка. Журналъ Лаватера есть болѣе сокровенный разговоръ автора съ самимъ собою, нежели какое либо исповѣданіе и болѣе всего имѣетъ въ предметѣ служить необходимымъ средствомъ къ достиженію того, что тогда называлось *Усовершенствованіемъ* и что нынѣ мы называемъ *Освященіемъ*. Въ немъ несравненно болѣе настоящаго, нежели прошедшаго; болѣе ощущеній смѣшанныхъ съ человѣчествомъ,

нежели у Святителя Гиппонійскаго; но не болѣе того, что характеризируетъ собственно человѣка. Въ журналѣ Лаватера всегда проявляется скромная и непритворная теплота любящаго сердца; но въ немъ нисколько нѣтъ этого сконцентрированнаго пламени, которое, въ сліяніи съ умозрительными способностями Блаженнаго Августина, присвояетъ величественному лицу его то высокое выраженіе, которое многіе протекшіе вѣка еще болѣе и болѣе возвеличили. Лаватеръ, напротивъ, весьма мало является философомъ, не смотря на особенное влеченіе его и вкусъ къ Психологіи; въ сужденіяхъ его о системахъ и идеяхъ, здравый разсудокъ, основанный на опытности и по обык-

новенію руководствующій его, не всегда возвышается на высоту совокупныхъ взглядовъ.

Мы надѣемся, что читатели наши, по многимъ отношеніямъ и не подумаютъ, чтобы намъ приходило на мысль дѣлать даже малѣйшее сравненіе между двумя человѣками, изъ коихъ одинъ, въ продолженіи XIII столѣтій, остается однимъ изъ величайшихъ свѣтилъ Христіанской Церкви; а другой пользуется только скромными воспоминаніями Христіанскихъ друзей своихъ, и тѣхъ, кои не увлекаясь духомъ партій, любятъ и уважаютъ истину, въ какихъ бы формахъ она не представлялась.

Можетъ быть простота Лаватера и содѣйствовала къ огражденію его

отъ опасностей и соблазновъ сопровождающихъ всегда почти тщательныя изысканія началъ и сущности наукъ. Впрочемъ, читатели наши совершенно ошиблись бы въ предположеніяхъ своихъ, если бы вообразили, что мы предлагаемъ этотъ родъ сочиненій, какъ примѣръ для слѣдованія и подражанія. Безъ сомнѣнія, испытаніе или разсматриваніе самого себя весьма полезно для тѣхъ, кои не обладаютъ еще сознаніемъ, что они находятся въ состояніи паденія и грѣха, и сверхъ того, неоспоримо, что оно необходимо для познанія вообще человѣческаго сердца. Но оставляя въ сторонѣ эти двѣ неоцѣненныя выгоды, истекающія изъ испытанія, или разсматриванія самого себя,

должно кажется согласиться, что безъ особеннаго содѣйствія благодати, едвали грѣшникъ, при непрестанныхъ даже извращеніяхъ *рубища грѣховной нищеты своей*, успѣетъ облечься въ ту *бѣлую ризу возрожденныхъ*, въ которую облекаются тѣ только, кои достигаютъ совершенства путемъ истиннаго Христіанскаго самоотверженія. Но вопросъ этотъ слишкомъ затруднителенъ и по этому совѣсть только каждаго можетъ рѣшить его. Совсѣмъ тѣмъ, польза, которую всякій читатель можетъ извлекать изъ открытій сдѣланныхъ его ближнимъ, не подлежитъ опроверженію.

Мы предупреждаемъ читателей нашихъ, что не должно ожидать найти въ журналѣ Лаватера того,

что собственно называется творенiемъ. Здѣсь идетъ рѣчь не объ авторѣ, но о человѣкѣ испытывающимъ себя предъ Богомъ и своею совѣстью, о человѣкѣ, который возмущается при всѣхъ мiрскихъ впечатлѣнiяхъ и считаетъ всѣ, самыя даже невинныя поползновенiя, не рѣдко представляющiяся въ жизни, грѣховными возбужденiями. Замѣчательная дѣятельность разума его соединялась въ немъ съ быстрою воспрiемлемостiю всего того, что оставляло пространное мѣсто для инстинктивныхъ способностей. Это расположенiе, въ соединенiи съ врожденною въ немъ нѣжностiю души его и ненаклонностiю его къ распространенiю своихъ религiозныхъ мнѣнiй, придавало конечно

вѣрованію его характеръ болѣе сердечнаго влеченія нежели системы. Потребности души его привели его къ познанію истиннаго духа Евангелія, и онъ принималъ, съ братскою готовностію, выраженіе этихъ потребностей, откуда бы оно не проявилось. Лаватеръ не дѣлалъ различія кто былъ Реформаторомъ, Лютераниномъ, Католикомъ, для него это было все равно, но только чтобы въ сердцѣ имѣли дѣйствительно Христа.

Сколько извѣстно о Лаватерѣ и что по многимъ дѣйствіямъ его, можно было въ немъ замѣтить, все доказываетъ, что онъ предпочтительно занятъ былъ главнѣйшею мыслію: какимъ бы образомъ отыскать ему въ другихъ точку прикос-

новенія, посредствомъ коей могъ бы онъ свободно изливать въ сердце ближняго ту животворную силу, которая питала и согрѣвала собственное его сердце.

Лаватеръ вовсе не былъ философомъ, и какъ разумъ его не омрачался философскими системами, то онъ искренно любилъ своего Спасителя, безусловно надѣялся на Него, цѣнилъ каждое Его слово и обожалъ Его всею способностію нѣжной и откровенной души своей, подобно вѣрнымъ двухъ первыхъ Христіанскихъ вѣковъ и малому числу Христіанъ, поистиннѣ православныхъ; словомъ, онъ вездѣ и во всемъ видѣлъ и находилъ Христа. И въ этомъ отношеніи Лаватеръ имѣлъ нѣкоторое сходство съ Шве-

денборгомъ, съ тою только разностію, что Шведскій мудрецъ, не рѣдко увлекался мечтательностію: а смиренный пасторъ Зюрихскій любилъ и вѣрилъ въ младенческой простотѣ сердца.

Но не должно заключать, чтобы Лаватеръ былъ противникомъ просвѣщенія и образованности; кто читалъ его глубокомысленное и огромное твореніе: Essai sur la Physiognomonie, destiné à faire connaître l'Homme et à le faire aimer; тотъ можетъ судить какими свѣтлыми идеями онъ одушевлялся, и если Лаватеръ мало обращалъ особеннаго вниманія на взаимное слѣдствіе идей, то мало тѣхъ, кои были бы проникнуты въ той же степени, какъ онъ, важностію того великаго

и первѣйшаго изъ слѣдствій, которое бываетъ результатомъ истиннаго познанія самаго себя. Всякой догматъ вѣры дѣлался въ немъ, какъ бы врожденнымъ ему чувствомъ, всякое убѣжденіе было для него побудительною причиною къ дѣйствованію; и по этому безпредѣльное, такъ сказать, безпристрастіе его, являетъ тотъ же результатъ, какой всегда почти представляется при глубокихъ философскихъ изысканіяхъ, то есть наконецъ приходятъ къ дѣтскому простодушію, и въ это время всякое человѣческое мудрованіе исчезаетъ.

Но хотя въ религіи Зюрихскаго пастора точка зрѣнія, со стороны сердца и совѣсти, имѣла преобладаніе надъ точкою зрѣнія со сто-

роны разума; со всѣмъ тѣмъ не слѣдуетъ полагать, чтобы Лаватеръ отвергалъ умозрѣнія и не уважалъ логическихъ заключеній разума. Напротивъ, онъ изыскиваетъ все то, что̀ просвѣщаетъ разумъ и образуетъ вкусъ и утверждаетъ даже, что *образованность вкуса имѣетъ безконечное вліяніе на нравственность*.

Въ глазахъ его, возрожденный человѣкъ, востановленный по образу Христа, долженъ быть способенъ для всѣхъ интеллектуальныхъ и соціальныхъ должностей; онъ долженъ, по мнѣнію его, употреблять на служеніе Господу своему всё то, что изобрѣли искусства, науки и литература; долженъ проходить эти поприща съ любовію

и свободою; предпочтительно же долженъ наслаждаться тѣмъ изящнымъ, добрымъ и прекраснымъ, что̀ болѣе всего благопріятно Отцу всѣхъ вѣчныхъ радостей и неувядаемыхъ наслажденій. Конечно въ этомъ расположеніи разума есть нѣчто подобное невинной дѣтской любезности, которая получая отъ своего отца игрушку, ощущаетъ къ нему туже любовь, какъ и при полученіи отъ него первѣйшихъ потребностей въ жизни. Это сліяніе Евангельской свободы съ внутреннею горячностію сердца, являетъ въ характерѣ Лаватера столь же отличительную, какъ и рѣдкую черту, и особенно когда къ этому присоединяется искреннее и, даже можно сказать, мѣлочное изысканіе

Освященія—главнѣйшей цѣли дневныхъ записокъ Лаватера. Многіе изъ людей проникнутыхъ духомъ истиннаго христіанства и слѣдующихъ вполнѣ религіозному направленію, остаются совершенно чуждыми относительно успѣховъ искусствъ и литературы, и часто соблазняются даже тѣми условіями, кои, по непреложнымъ законамъ, необходимы для развитія человѣка и общества. У Лаватера любовь и просвѣщеніе, простирающіеся до отдаленнѣйшихъ точекъ сирконференціи, не угасаютъ; а блистаютъ всегда въ центральной точкѣ. Здѣсь у него горитъ очистительный огнь, пожирающій всё оскверненное грѣхомъ и оживотворяющій всё возрожденное.

Враги Лаватера осуждали его, приписывая ему какое-то, въ нѣкоторомъ отношеніи, Іудейское направленіе и поставляя ему въ вину излишнюю привязанность его къ нѣкоторымъ формамъ благочестія, кои были выраженіемъ болѣе закона, нежели благодати. И дѣйствительно, Лаватеръ идетъ къ благодати *стропотнымъ путемъ* закона.

На языкѣ XVIII столѣтія слово добродѣтель заключало въ себѣ всѣ условія для совершенства человѣка. Отвергая христіанство, или говоря другими словами, не имѣя настоящаго понятія о духѣ ученія Христова, XVIII вѣкъ видѣлъ и находилъ все изящное и высокое только въ добродѣтели, то есть въ однихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ чело-

вѣка и на этомъ основаніи онъ судилъ и о Лаватерѣ, называя его добродѣтельнымъ только человѣкомъ и не примѣчая въ немъ человѣка возрожденнаго, освященнаго благодатію. Даже и тѣ, кои не были ни врагами, ни друзьями Лаватера, повторяли, что слово добродѣтель всегда было первымъ, изливавшимся съ пера его; но что благочестіе его иногда выходило изъ предѣловъ, близко было къ суевѣрію и имѣло видъ, выражающій болѣе формы закона, нежели духъ христіанства. Подобное мнѣніе, ни на чёмъ впрочемъ не основанное, могло быть поводомъ къ обвиненію Лаватера, что будто бы онъ увлекался какимъ-то Іудейскимъ направленіемъ.

Лаватеръ имѣлъ сердце необыкновенно доброе и мягкое. Онъ какъ думалъ, такъ и говорилъ, такъ и дѣйствовалъ. Человѣкъ этотъ былъ *воистинну Наѳанаилъ, въ немъ же льсти не было*. Шествуя къ благодати дѣйствительно *стропотнымъ путемъ* самоотверженія, Лаватеръ не считалъ себя достойнымъ быть *сыномъ Отца, иже Совершенъ есть;* но тщательно искалъ *усыновленія* и по этому въ благочестіи его есть нѣчто болѣе сильнаго, постояннаго и даже, можетъ быть, строго святаго нежели у людей, внезапно перенесшихся подъ свободный горизонтъ Евангельской благодати.

Вообще, мы въ наше время, имѣемъ мало наклонности къ подобной строгой вѣрности; мы го-

товы всегда украсить себя титуломъ *сыновъ Божіихъ:* но для того только, чтобы подъ этою святою эгидою свободнѣе дѣйствовать и совершать свою собственную волю, а не волю Божію, мечтая что находясь, *подъ благодатію, а не подъ закономъ,* мы не обязаны уже быть рабами и безусловно повиноваться предписанному въ законѣ. Лаватеръ, напротивъ, любилъ *Бога-Отца всяческихъ* пламенною любовію сына, а между тѣмъ почиталъ себя совершеннымъ рабомъ, безусловно обязаннымъ исполнять въ точности всё предписанное въ законѣ и освященное благодатію.»

Вѣроятно не многимъ извѣстна мученическая кончина Лаватера. При осадѣ Зюриха Французами, во

время Французской революціи, пьяный солдатъ выстрѣлилъ въ Лаватера, спокойно сидѣвшаго у воротъ своего дома; онъ не застрѣлилъ его, но рана была смертельна. Лаватеръ прожилъ еще нѣсколько мѣсяцевъ; но прожилъ въ ужасныхъ мученіяхъ и страданіяхъ. Во все время болѣзни, онъ терпѣлъ безропотно и въ совершенномъ спокойствіи духа предалъ душу въ нѣдра своего Отца Небеснаго.

Извѣстный Нѣмецкій писатель Юнгъ-Штиллингъ въ книгѣ своей: *Приключенія по смерти* написалъ прославленіе Лаватера. Мы не смѣемъ входить въ сужденіе кто предъ очами *Испытующаго сердца и утробы* человѣческія достоинъ прославленія по смерти; но судя по зем-

ной жизни Лаватера и дѣйствіямъ христіанской его любви, можно заключать, что онъ достоинъ быть прославленъ на небесахъ, и можетъ быть болѣе многихъ, прославленныхъ на землѣ по суду человѣческому.

Н Р.

ЖУРНАЛЪ НАБЛЮДАТЕЛЯ

ЗА

САМИМЪ СОБОЮ.

31-е Декабря, 1768.

Скоро полночь, чрезъ два часа новый 1769 годъ заступитъ мѣсто истекающаго 1768 года, который готовъ низринуться въ вѣчность, поглощающую все конечное. Нѣсколько уже лѣтъ сряду проявлялось во мнѣ желаніе начать журналъ мой съ каждымъ наступающимъ годомъ; но различныя обстоятельства не допускали меня къ

исполненію моего намѣренія. Нынѣ во имя Бога, *вездѣ сущаго и вся вѣдущаго* рѣшаюсь начать журналъ мой съ наступающимъ 1769 годомъ. Да будетъ благоугодно благости Его, чтобы ни одинъ изъ грядущихъ дней моихъ, не былъ вполнѣ потерянъ ни для неба, ни для меня, чтобы каждый изъ нихъ былъ ознаменованъ добрымъ дѣломъ, или по крайней мѣрѣ бо̀льшая часть изъ нихъ, о Боже мой! была бы совершенно посвящена Тебѣ; чтобы дни эти достойны были души безсмертной и учинились сѣменемъ для моего вѣчнаго блаженства.

Духъ благодати! благоволи да воспоминаю всякой день, что я долженъ *бдѣть и молиться;* ибо не

вѣдаю часа, въ который Судія мой долженъ пріійдти. Да, о душа моя! подвизайся и трудись, покуда еще день свѣтитъ. *Пріидетъ ночь, въ которую никто болѣе не можетъ дѣйствовать* (Іоан. IX, 4.). Господи! научи меня, чтобы я помнилъ, что̀ долженъ умереть, дабы содѣлался я болѣе осторожнымъ. Но ты, о сердце мое, будь искренно. Не укрывай глубинъ своихъ отъ меня. Я хочу сдружиться съ тобою, хочу сдѣлать завѣтъ съ тобою. Знай сердце мое, что изъ всѣхъ дружескихъ связей на землѣ, нѣтъ премудрѣе и богатѣе благословеніями довѣренности и дружбы человѣческаго сердца съ самимъ собою. Кто не близокъ къ самому себѣ, тотъ не можетъ ни-

когда сдѣлаться другомъ ни Бога, ни добродѣтели. Чѣмъ болѣе мы удаляемся отъ самихъ себя, тѣмъ болѣе приближаемся къ лицемѣрію; всего же болѣе устрашился бы я, это — сдѣлаться лицемѣромъ. Тѣ, кои хорошо знаютъ сердце человѣческое сдѣлали справедливое замѣчаніе, что искренность прекращается именно тогда, когда мы начинаемъ замѣчать, что за нами присматриваютъ. Но правило это должно имѣть обратное дѣйствіе, когда оно относится къ точному присматриванію за самимъ собою; ибо искренность начинается тогда только, когда наше сердце начинаетъ замѣчать, что оно присматриваетъ само за собою. Но чтобы я самъ не обольщалъ и не соблазнялъ са-

мого себя, то рѣшаюсь съ твердымъ намѣреніемъ никогда и никому не показывать моихъ записокъ, содержать ихъ въ совершенной тайнѣ, и писать непонятными для другаго знаками все то, что могло бы, нѣкоторымъ образомъ, обратиться въ какое-либо предосужденіе для моихъ ближнихъ, или для собственной души моей, если бы записки эти, по неожиданному случаю, получили когда извѣстность; я обязуюсь не утаивать и помѣщать въ нихъ все то, что замѣчу особенно примѣчательнаго въ моихъ чувствованіяхъ; замѣчать всѣ сокровенныя лукавства моихъ страстей, всё, что будетъ имѣть особенное вліяніе на образованіе моего нравственнаго характера; буду

писать ихъ съ такою искренностію и точностію, какъ бы Самъ Богъ благоволилъ когда прочесть мои записки,—и такимъ образомъ, чтобы на смертномъ одрѣ моемъ я могъ, по запискамъ этимъ, отдать отчетъ въ моей жизни подобный тому, который потребуется отъ меня тогда, какъ я испущу послѣднее дыханіе.

1-е Января 1769.

Около трехъ часовъ утра я проснулся, услышавъ крикъ ночнаго стража (б). Я никогда не слушаю

(б) Въ бо́льшей части городовъ Германіи, и особенно Швейцаріи, ночные часы возглашаются ночнымъ стражемъ

его безъ особеннаго чувства какой-то сладостной меланхоліи, которая сливаясь въ это время, съ быстрымъ воспоминаніемъ о краткости моей жизни, оставляетъ во мнѣ нѣкоторое неизъяснимое впечатлѣніе, смѣшивающееся съ невнятнымъ воспоминаніемъ и о подобныхъ мнѣ существахъ, кои въ это же мгновеніе находятся во бдѣніи и молитвѣ, удручены скорбями, или воздыхаютъ на болѣзненномъ одрѣ; о умирающихъ и наконецъ обо всемъ страждущемъ на землѣ. Но въ этотъ

(le crieur de nuit), который, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при возглашеніи часовъ, присоединяетъ въ тоже время какое-либо нравственное поученіе, или нравственное двустишіе.

разъ я ощутилъ это чувствованіе съ гораздо бо̀льшею живостью; я повергнулся мысленно предъ Богомъ, предавая Ему первое впечатлѣніе наступившаго новаго года. Въ продолженіи безмолвной молитвы моей, я не могъ удержать слезъ обильно текшихъ изъ глазъ моихъ; я поручалъ Божественному милосердію братій и сестеръ моихъ, обитателей всей земли; вспомнилъ о вчерашнихъ намѣреніяхъ моихъ, возобновилъ мои богоугодныя предпріятія и съ полнымъ упованіемъ и увѣренностію поручилъ мою временную и вѣчную судьбу въ руки Отца моего, *иже есть на небесахъ.*

Въ шесть часовъ утра я опять проснулся съ радостію въ сердцѣ и благодареніемъ Богу; я молился,

прочитывая хвалебную пѣснь Геллерта на новый годъ. Послѣ этого я прочелъ первыя четыре главы Евангелія Святаго Матѳея; стихъ избранный мною на нынѣшній день былъ слѣдующій: *не искуси Господа Бога твоего*. Нѣтъ, о Боже мой, я не буду искушать Тебя, а въ продолженіи всего нынѣшняго года, буду ожидать отъ Тебя того, что Тебѣ благоугодно будетъ; я не усомнюсь никогда, что Ты непремѣнно даруешь мнѣ то, что обѣщано въ обѣтованіяхъ Твоихъ, и не буду просить Тебя о томъ, чего Ты не обѣщалъ мнѣ. Я обязуюсь нынѣ не желать никому добраго и благословеннаго года одними только устами, безъ соучастія моего сердца.

Какая обида и какое оскорбле-

ніе, поистинѣ, изъявлять устами желаніе благословеній въ то время, когда сердце нисколько не участвуетъ въ этомъ желаніи, и когда, можетъ быть, оно даже и не желало бы того, если бы исполненіе зависѣло собственно отъ него. И такъ, пребудьте нынѣ во мнѣ навсегда святыя чувствованія искренности; а ты, сердце мое, не забывай никогда, что употреблять бездушную формулу какого либо желанія ближнему и не желать въ душѣ, чтобы оно дѣйствительно совершилось, есть самое низкое лицемѣріе.

Въ началѣ для меня чрезвычайно было трудно въ точности сообразоваться съ этимъ моимъ обѣщаніемъ. Иногда по привычкѣ, слова

вылетали съ стремленіемъ прежде чувствованій. Но я вспоминалъ обѣтъ мой и послѣ всегда ощущалъ сладостное внутреннее наслажденіе, когда чувствовалъ, что слова мои сопровождались помазаніемъ искренности и любви къ человѣкамъ. Благій Боже! какой возвышенной радости лишаемъ мы нашу душу, когда изгоняемъ изъ нее это нѣжнѣйшее ощущеніе братской любви къ человѣчеству, служащее драгоцѣннѣйшимъ для нее украшеніемъ! Я вопрошаю самого себя: Человѣки мнѣ подобные, братіе и сестры мои? вы живете на одной землѣ со мною, дышете однимъ со мною воздухомъ, освѣщаетесь свѣтомъ того же солнца, и неужели я долженъ дѣлать усиліе и возбуждать себя

для того, чтобы пожелать вамъ какихъ-либо благъ? Мнѣ слѣдовало бы быть совершенно ко всему нечувствительнымъ, если бы предъ очами Бога Вездѣсущаго и Отца всѣхъ, я не могъ сердечно желать для васъ здоровья, благихъ дней, новыхъ силъ для добродѣтели и наконецъ всего того, что Слово Божіе называетъ *благословеніемъ*.

Поздравивъ жену мою съ новымъ годомъ и пожелавъ ей всѣхъ отъ Господа благъ, я поздравилъ нашу горничную и также искренно пожелалъ ей всего добраго и хорошаго; но въ это же время, по вкоренившейся во мнѣ привычкѣ, при желаніи ей благъ, я готовъ былъ присоединить къ привѣтствію моему нѣкоторые колкіе для нее выгово-

ры; однако же я подавилъ въ себѣ оскорбительныя для нея замѣчанія, которыя впрочемъ, по грубому характеру своему, она по справедливости заслуживала, и кои стремились уже вылетѣть изъ устъ моихъ и смѣшаться съ словами моими. Удержавъ себя въ эту минуту, я успѣлъ придать голосу моему привѣтливую и естественную непринужденность, неразрывную спутницу простоты и истины. Совсѣмъ тѣмъ къ стыду моему долженъ сознаться, что въ этомъ случаѣ самолюбіе мое и гордость восторжествовали. Въ это мгновеніе искушенія я почувствовалъ съ большимъ удовольствіемъ, что превозмогъ самаго себя, и ослѣпленіе было такъ велико, что я возмечталъ даже, что

будто бы совершилъ великій подвигъ. Ахъ! сердце мое, стыдись! какъ унизительно для тебя, что въ часъ искушенія ты не успѣло одержать побѣды надъ самимъ собою!

..... Уже девять часовъ, сказалъ я, а я не совершилъ еще никакого добраго дѣла въ отношеніи къ моему ближнему..... но не хочу измѣнять тѣмъ правиламъ, кои обязался сохранять торжественно предъ Богомъ и моею совѣстію; не хочу пропустить этого перваго дня года, не сдѣлавъ какого-либо дѣла братской любви. Вотъ первое влеченіе, которымъ я руководствовался; но можетъ быть также я желалъ въ тоже время напомнить себѣ въ первое число будущаго 1770-го года (если Богъ благословитъ меня до-

жить до этого дня), о нынѣшнемъ днѣ и утѣшить себя тѣмъ сладостнымъ чувствомъ, которое всегда оставляетъ по себѣ каждое дѣло благотворенія.

Я сдѣлалъ замѣчаніе, что дни, означенные въ календарѣ особенными праздниками, мнѣ предпочтительно хочется ознаменовать какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ. Ахъ! какъ пріятно и утѣшительно вспомнить въ слѣдующемъ году тотъ день, въ который мы сдѣлали, въ минувшемъ, какое-либо доброе дѣло! Но теперь надо перестать писать, надо встать и дѣйствовать. Куда же идти мнѣ для совершенія добраго дѣла? Не пойдемъ далеко, у нашей горничной мать больна, она въ ни-

щетѣ и имѣетъ необходимость въ пособіи.

Я пошелъ тотчасъ къ женѣ моей. «Другъ мой, въ новый годъ должно «сдѣлать подарокъ — а кому?—Мнѣ «или бѣдной женщинѣ, если она «болѣе заслуживаетъ твое вниманіе, «или, если ты того желаешь, то «Тому, Который сказалъ: «*добро, «которое вы сдѣлали одному изъ сихъ «братій моихъ меньшихъ, вы Мнѣ «его сдѣлали.*» — Чего же надоб- «но? — Сколько нибудь денегъ и «нѣсколько ветхаго бѣлья для бѣд- «ной и больной матери, нашей гор- ничной Катерины — ничего болѣе «только это.»— Я пойду за нимъ,— «сказала жена моя.». . . . . .

Я опять началъ писать, а въ это время жена моя принесла нѣсколько

денегъ и ветхое бѣлье, которое я просилъ у нее. «Я самъ хочу отдать его Катеринѣ, сказалъ я.» Жена моя позвала ее, но Катерина отвѣчала грубымъ тономъ, что ей некогда и что не можетъ придти. Получивъ отъ горничной такой непріятный отвѣтъ, я сохранилъ спокойствіе духа и съ кротостію сказалъ: подождемъ; однако же въ душѣ моей я ощутилъ внутреннее чувство гордости, которое польстило мнѣ, что я столь кротокъ и смиренъ и что теперь же могу пристыдить Катерину, заплативъ ей за ее грубость доказательствомъ моего къ ней доброжелательства. Минутъ черезъ пять она пришла: «что вамъ угодно?»— Катерина, сказалъ я ей голосомъ совершенно кроткимъ и

спокойнымъ, вотъ кой-что для твоей больной матери; ты можешь теперь же отнести это къ ней. Признаюсь откровенно, что для меня великимъ было торжествомъ, когда я увидѣлъ, что она была чрезмѣрно удивлена моимъ снисхожденіемъ и не могла даже скрыть своего стыда. Она пошла къ своей больной матери, а для меня, случай этотъ доставилъ полное удовольствіе.

..... Весь нынѣшній день я провелъ въ спокойномъ расположеніи духа, въ моемъ семействѣ и въ бесѣдѣ съ близкими мнѣ друзьями; ничто не возмущало меня и ничто не нарушало мира, которымъ была полна душа моя. Благодарю Тебя, Благій Боже! если нынѣшній день я и не сдѣлалъ ничего особенно

добраго, то по крайней мѣрѣ искренно благодарю Тебя, что Ты, по благости Твоей, не попустилъ мнѣ сдѣлать какого-либо зла, и что нынѣ, въ первый день новаго года, я успѣлъ хотя нѣсколько замѣтить мои недостатки, мою слабость, и сокровенныя дѣйствія духовной моей гордости.

Вскорѣ мы сѣли ужинать. Когда сняли со стола скатерть, я былъ въ борьбѣ съ самимъ собою и колебался сказать ли мнѣ, или не сказать: «съ нынѣшняго дня мы «будемъ совершать нашу вечернюю «молитву всѣ вмѣстѣ.» Но я подумалъ, что это была бы вовсе неумѣстная робость у отца семейства, который не осмѣливается сдѣлать перваго шага для установленія у

себя въ домѣ спасительнаго и похвальнаго обычая; и на этотъ разъ я *осмѣлился*, взялъ молитвенникъ Геллерта, и мы всѣ вмѣстѣ начали молиться. Послѣ молитвы мы разошлись. Я перечиталъ мои записки, обративъ особенное вниманіе на сдѣланныя мною замѣчанія и предположенныя намѣренія. Но все ли нынѣ я сдѣлалъ во имя Христа? Молился ли за тѣхъ, за кого долженъ былъ молиться? Нѣтъ. Но я теперь же это сдѣлаю. Боже! Всещедрый податель всѣхъ благъ, я хочу еще бесѣдовать съ Тобою, пока сонъ не коснулся очей моихъ!

7-го Января, вечеръ.

По обязанностямъ соединеннымъ съ моею должностію и нѣкоторымъ неожиданнымъ случаямъ, я не могъ нынѣ во весь день заняться моимъ журналомъ. Теперь всѣ житейскія заботы миновались: все тихо, мирно, я одинъ въ присутствіи Вездѣсущаго и долженъ предъ Нимъ и моею совѣстію дать отчетъ во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ въ теченіи протекшаго дня. Господи! вразуми меня, да не утаю отъ Тебя всѣхъ сокровенныхъ побужденій души моей, да не обольщаю самого себя; но съ раскаяніемъ въ младенческой простотѣ, раскрою предъ Тобою сердце мое. А ты, сердце мое, будь искренно, не укрывай отъ меня глубинъ сво-

ихъ и помни, что я нахожусь теперь въ присутствіи *Того, Кто болѣе сердца.*

..... Начнемъ съ утра. Нынѣ воскресенье, великій день; день ознаменованный великимъ событіемъ, которому протекло уже XVIII почти столѣтій, и не взирая на всѣ злобныя ухищренія всеобщаго нынѣ невѣрія, день этотъ и для самихъ невѣрующихъ, все остается праздничнымъ. Если бы я и не занималъ той должности, которую занимаю, то въ этотъ торжественный день пошелъ бы въ церковь, но по званію моему, я долженъ еще былъ сказать нынѣшній день проповѣдь. Но не входя въ молитвенный храмъ не случилось-ли со мною чего, что̀ совѣсть моя не можетъ одобрить и

оправдать? Посмотримъ: теперь я вспоминаю, что, проходя въ Церковь, я встрѣтился съ нищимъ, просящимъ у меня подаянія. Подалъ-ли я милостыню, или отвернулся отъ просящаго? Къ стыду моему я сдѣлалъ послѣднее. Видъ нищаго и вообще вся его наружность, произвели во мнѣ какое-то непріятное впечатлѣніе; словомъ: онъ мнѣ не понравился и я видѣлъ въ немъ лѣниваго тунеядца; не обративъ на нищаго вниманія, и не сказавъ ничего, я прошелъ мимо. Но хорошо-ли, согласно ли съ христіанскою любовію я поступилъ въ этомъ случаѣ? Мое-ли было дѣло разсуждать, когда бѣдный проситъ помощи? Мое-ли дѣло судить *чуждаго раба?* Я долженъ дать прося-

щему и благодарить Подателя всѣхъ благъ, что Онъ даетъ мнѣ возможность быть полезнымъ для моего ближняго. Благій Боже! *одождяющій и добрыхъ и злыхъ,* прости мнѣ; я не исполнилъ первѣйшей изъ заповѣдей Твоихъ: отказалъ въ помощи нищему — одному *изъ братій Твоихъ меньшихъ.* На будущее время, всякому просящему буду подавать по возможности моей, не входя ни въ какія сужденія, изобрѣтаемыя человѣческими расчетами.

Теперь разсмотримъ таковымъ-ли я былъ предъ алтаремъ Божіимъ, каковымъ быть долженъ служитель алтаря? и не подалъ-ли я, кому изъ прихожанъ моихъ, какого-либо и въ чемъ нибудь дурнаго примѣра, ибо примѣры дѣйст-

вуютъ, на человѣческое сердце, сильнѣе всѣхъ убѣжденій.

Сколько могу припомнить, то кажется мнѣ, что въ молитвенномъ собраніи Христіанъ я исполнилъ мою должность какъ слѣдовало Пастору; но сердце мое раскройся, будь искренно! Когда я сказывалъ проповѣдь и замѣчая, что слушатели мои были въ восхищеніи слушая меня, что̀ придавало мнѣ болѣе бодрости, льстило моему самолюбію и услаждало меня; то кого въ это время проповѣдывалъ я? Христа-ли смиреннаго, униженнаго, распятаго? Или прославлялъ свою духовную гордость; хвастался своимъ краснорѣчіемъ, своими дарованіями? Сердце мое, будь искренно; сознайся, что въ этотъ часъ иску-

шенія, я болѣе помышлялъ о самомъ себѣ, нежели о Томъ, Кого проповѣдывалъ. Но, если и дѣйствительно я имѣю какія-либо дарованія, то отъ меня-ли онѣ, мнѣ-ли собственно онѣ принадлежатъ? Не отъ Тебя ли, благій Боже, получилъ я ихъ; не отъ Тебя-ли *Отецъ свѣтовъ нисходитъ всякъ даръ совершенъ?* да и можетъ-ли ничтожный извощикъ гордиться драгоцѣнными товарами, которые онъ везетъ. И такъ, предъ алтаремъ Того, Кто *кротокъ и смиренъ сердцемъ*, я не исполнилъ первой обязанности служителя алтаря — не сохранилъ смиренія въ сердцѣ.

По окончаніи проповѣди я долженъ былъ посѣтить больнаго друга моего Г. К..... но и здѣсь не было-

ли со мною, чего не согласнаго съ Христіанскою любовію.

Вопрошаю себя: что̀ болѣе одушевляло меня въ дружеской бесѣдѣ, смиреніе ли, или гордость? Кого, внутренно, чаще и болѣе осуждалъ я, себя-ли самого, или моего ближняго.

Въ числѣ посѣтителей моего больнаго друга былъ и извѣстный Г. Э...., о которомъ прежде я много наслышался и котораго нынѣ увидѣлъ въ первый разъ. Прежде разговоръ былъ общій и касался многихъ предметовъ; наконецъ разсуждали о нравственномъ состояніи человѣка, о соціальныхъ его обязанностяхъ и объ отношеніи его къ обществу. По сужденіямъ Господина Э..... весьма было замѣтно,

что онъ человѣкъ образованный; но, къ сожалѣнію, напитанный духомъ нынѣшней философіи; смотря на человѣка, какъ на нѣкоторое явленіе во времени, онъ и всѣ дѣйствія его ограничиваетъ однимъ только временемъ. Обладая дàромъ слова, Господинъ Э..... прикрывалъ софистическія мнѣнія свои нѣкоторымъ правдоподобіемъ, и по всему видно было, что онъ желалъ, чтобы всѣ умолкли и слушали его одного. Я молчалъ; но въ душѣ моей, осудилъ его и не за его мнѣнія, кои были совершенно не согласны съ моими; а болѣе за его высокомѣріе и чванство. Но замѣчая въ глазѣ его *соломенку,* видѣлъ ли я у себя въ глазу *бревно?* Чуждъ ли и я высокомѣрія и гордости? По крайней

мѣрѣ я утѣшаю себя тѣмъ, что я не противорѣчилъ Господину Э.... и слушалъ его съ терпѣніемъ и кротостію. Всевѣдущій Боже! ничто не укроется отъ святыхъ очей Твоихъ, Ты вѣдаешь всѣ изгибы человѣческаго сердца; прости мнѣ всѣ неправды мои, которыя совершилъ я въ протекшій день и *не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ.*

Вторникъ, 16-е Января.

Проснувшись я увидѣлъ нарочно посланнаго съ письмомъ ко мнѣ отъ друга моего Феликса Гесса. Онъ просилъ меня немедля пріѣхать къ нему, ибо онъ отчаянно былъ болѣнъ. Я содрогнулся, однако же къ этому неожиданному извѣщенію

въ это же время присоединилось какое-то почти пріятное впечатлѣніе. Богъ вѣдаетъ впрочемъ, какъ пламенно люблю я моего друга, какъ мысль о смерти его входитъ ежеминутно глубже и глубже въ сердце мое; но это не въ первый разъ я замѣчаю, что при полученіи непріятной новости, въ ощущеніе ужаса всегда вкрадывается, кажется, нѣкоторое смѣшеніе сокровенной радости. Я вспоминаю, что однажды при внезапной тревогѣ, что горитъ нашъ городъ Зюрихъ, я почувствовалъ сильное душевное потрясеніе, къ которому однакожъ присоединялось нѣчто, что мнѣ нравилось, въ то время, какъ предъ этимъ, размышляя о такомъ несчастіи одна мысль приводила меня

уже въ трепетъ. Было ли это невнятное пріятное ощущеніе слѣдствіемъ новости, неожиданности событія? Или это было предчувствіемъ того участія, которое стали бы принимать тѣ, съ кѣмъ представился бы мнѣ случай говорить о бывшемъ происшествіи, — участіе, которое всегда, нѣкоторымъ образомъ льститъ тому, кто разсказываетъ о какомъ-либо событіи; либо не было ли это смутнымъ ожиданіемъ какихъ измѣненій, прерывающихъ нерѣдко монотонію единообразнаго существованія? Или наконецъ не было ли это ощущеніемъ радости избѣгнуть несчастія, которое поражаетъ не меня, а другаго?

Я желалъ бы знать, что случается съ другими людьми и особенно

съ тѣми, кои имѣютъ чистыя и чувствительныя сердца, когда они поражаются внезапными и плачевными новостями; но мнѣ кажется, что бо̀льшая часть людей не обращаютъ вовсе вниманія на то, что̀ они ощущаютъ, находясь въ подобномъ состояніи, и что даже стараются скрыть это ощущеніе отъ друзей своихъ и можетъ быть даже и отъ самихъ себя. Я думаю однако же, что въ такихъ случаяхъ особенно должно примѣчать за собою, и чтобы впослѣдствіи вспомнить для пользы души своей, о этихъ невнятныхъ внутреннихъ и скоропреходящихъ ощущеніяхъ, то въ свободное время записать ихъ со всею вѣрностію и истиною.

Распорядившись дома наскоро и устроивъ нѣкоторыя нужныя дѣла мои, я отправился въ путь; въ первую четверть часа моего вояжа я чувствовалъ, что въ растроенномъ воображенiи моемъ возникали смутнымъ образомъ, то смущенiе, то тоска, то безпокойство; но въ то же время проявлялось во мнѣ и нѣкоторое сокровенное самодовольствiе и въ особенности при мысли о радости, которую доставитъ скорый мой прiѣздъ моему другу; впрочемъ самодовольствiе это обнаруживалось не только при помышленiи объ этой радости, но болѣе при мысли о похвалѣ и благодарности, кои получу въ этомъ случаѣ отъ него и его домашнихъ: вмѣстѣ съ этими смутными ощущенiями,

я чувствовалъ и нѣкоторый стыдъ, что такъ озабочивался о доставленіи собственно себѣ удовольствія и можетъ быть даже болѣе, нежели больному моему другу и его домашнимъ. Наконецъ сознательный стыдъ и нѣжнѣйшая любовь къ страждущему другу сдѣлали перевѣсъ. Я рѣшился привести мысли мои въ порядокъ и направить ихъ такимъ образомъ, чтобы могъ исповѣдать ихъ, во всей полнотѣ, предъ Богомъ и моею совѣстью. Я началъ молиться. «Господи! мысли мои нечисты и непостоянны: когда же сердце мое придетъ въ такое расположеніе, чтобы я могъ не стыдясь и не краснѣя смотрѣть на себя и искренно разсматривать самого себя? Благій Боже! Самъ Ты

дай направленіе мыслямъ и чувствованіямъ моимъ!

Я продолжалъ мой путь, было холодно и я поднялъ стекла въ моей каретѣ; два бѣдные мальчика, шедшіе въ церковь, бѣжали за моею каретою, прося милостыни и дуя въ свои полузамершія ручёнки. Я оставилъ ихъ нѣсколько времени бѣжать за моею каретою, не трогаясь нисколько ни ихъ просьбами, ни положеніемъ, въ коемъ они находились, и даже почти смѣявшись надъ ними. Любовь къ себѣ и собственному покою, не ты ли причиною, что я не тотчасъ опустилъ стекло въ моей каретѣ? Или не скупость ли удержала меня и мнѣ жаль было дать этимъ дѣтямъ нѣсколько копѣекъ; или это была ре-

бяческая гордость, чтобы они болѣе оцѣнили мое великодушіе и милость, кои я имъ сдѣлаю? И все это произошло, спустя нѣсколько только минутъ послѣ того, какъ я просилъ Бога, чтобъ Самъ Онъ далъ направленіе моимъ мыслямъ. Да, въ такомъ охлажденіи сердца нѣтъ ничего христіанскаго, возвышеннаго, изящнаго. Наконецъ я опустилъ стекло и съ нѣкоторымъ негодованіемъ, ибо дорожное платье меня стѣсняло, я порылся въ карманѣ и бросилъ одну или двѣ копѣйки въ снѣгъ, гдѣ эти бѣдныя дѣти должны были ихъ отыскивать полузамершими ручёнками. И все это я дѣлалъ ѣхавши къ человѣку, лежащему на смертномъ одрѣ и не думая, что въ эту же

минуту, можетъ быть, и для меня уже изготовляется гробъ!

Я внутренно пристыженъ былъ и старался избавиться отъ этого стыда, помышляя о моемъ умирающемъ другѣ; впрочемъ и въ этомъ къ нему обращеніи мыслей было менѣе дружбы, нежели усилія избавить себя отъ унизительной идеи. Вмѣсто того, чтобы помолиться за того къ кому я ѣхалъ, вмѣсто того, чтобы подумать, что́ сказать мнѣ ему при первомъ свиданіи и какимъ образомъ пріѣздъ мой, при послѣднемъ его издыханіи, могъ бы содѣлаться благословеніемъ, и какъ бы самъ я, при кончинѣ его, могъ получить и для себя благословеніе; воображеніе мое представляло себѣ тѣ счастливыя минуты, тѣ ча-

сы блаженства и любви, коими я наслаждался съ моимъ другомъ въ теченіе нашей жизни. Тогда новая мысль внезапно поразила мое сердце: *онъ боленъ и боленъ къ смерти,* и я видѣлъ его уже изнемогающимъ, блѣднымъ, умирающимъ и жену его въ слезахъ при смертномъ одрѣ его; глаза мои оросились слезами, я скорбно вздохнулъ, ломалъ себѣ руки; но дружба и состраданіе согрѣли мое сердце: «Боже милосердый! воскликнулъ я, сохрани мнѣ лучшаго и вѣрнѣйшаго друга, благослови употребляемыя врачества, воздвигни его, возврати мнѣ его, и горькія слезы, проливаемыя женою его, *да будутъ благоугодны предъ Тобою!*»

Положивъ руку на карманъ мой,

я ощупалъ въ немъ книгу, совершенно забывъ, что это былъ Новый Завѣтъ: я взялъ его съ собою, дабы отыскивать въ немъ тексты, кои служили бы пищею для разговора съ моимъ другомъ. Я открылъ эту святую книгу и встрѣтилъ глазами слѣдующія слова: «*И все, что̀ вы не дѣлаете, словомъ или дѣломъ, все дѣлайте во имя Господа Іисуса Христа;*» а я въ молитвахъ моихъ за моего друга не имѣлъ ни единой мысли, не сдѣлалъ никакого обращенія къ Іисусу Христу и совершенно забылъ, что онъ и я были христіане, что я долженъ былъ молиться, какъ ученикъ Христовъ и за ученика Христова. Но, ахъ! вполнѣ чувствую, что я чуждъ совершенно истиннаго духа Хри-

стова: «Господи Іисусе! какъ Ты забытъ отъ людей, для коихъ безсмертіе Ты искупилъ цѣною чистѣйшей крови Своей. Если бы Ты Самъ не умеръ, то другъ мой умеръ бы безъ упованія жизни вѣчной; если же теперь онъ умираетъ, то умираетъ какъ безсмертный; онъ умираетъ для того, чтобъ *воскреснуть въ животъ вѣчный.* А я въ молитвѣ моей могъ забыть Тебя Источника и Даятеля этого безсмертія.

Таковы были мои мысли въ продолженіи всего того времени, какъ мы приближались къ мѣсту, гдѣ находился умирающій другъ мой. Но вскорѣ мы должны были остановиться, чтобъ подкрѣпить подкову у лошади. Нетерпѣніе мое

было такъ велико, что я рѣшался выдти изъ кареты и пройдти пѣшкомъ около двухъ миль раздѣлявшихъ меня съ моимъ другомъ. Однако же по увѣренію, что вскорѣ все будетъ готово, я остался въ каретѣ и началъ писать журналъ мой... Наконецъ я закричалъ кучеру: «не ужели не все еще готово, что за проклятая медленность! Но какъ молнія снова проникъ въ душу, сердце и разумъ мой тотъ же текстъ: «*И все, что вы не дѣлаете, словомъ или дѣломъ, все дѣлайте во имя Господа Іисуса Христа.*» Нѣтъ, я не могу утаить отъ себя, я не думаю, не говорю и не дѣйствую ни одного даже часа, какъ христіанинъ.

Все было готово, мы поѣхали,

и я доволенъ былъ, что нѣсколько развлекся, и чувство стыда, меня тяготившее, нѣсколько разсѣялось. Кучеръ погонялъ лошадей. Казалось, что скорость, переносившая меня въ объятія моего друга нѣсколькими минутами прежде, избавляла меня отъ молитвы и размышленія; однако же, чѣмъ болѣе я приближался къ той минутѣ, въ которую увижу больнаго друга моего, тѣмъ болѣе сердце мое содрогалось и въ душѣ моей проявлялось все болѣе и болѣе разнородныхъ возмущеній. Между тѣмъ начинало смеркаться, небо покрыто было густыми снѣжными облаками, снѣгъ и дождь осыпали насъ, сѣверо-восточный вѣтръ проникалъ даже ко мнѣ въ карету. Намъ

оставалось ѣхать еще около мили, но вдругъ карета моя покачнулась на бокъ и мы остановились. Я спросилъ кучера: что сдѣлалось, онъ отвѣчалъ: что изломалось колесо и невозможно ѣхать далѣе. Я долженъ былъ выдти изъ кареты и помочь кучеру вытащить изъ грязи и снѣга изломавшееся колесо. Снѣгъ и дождь не переставали обливать насъ, сдѣлалось совершенно уже темно, сильный вѣтръ и холодъ проникали меня до костей, а ѣхать не было никакой возможности. Наконецъ кучеръ кое-какъ подвязалъ колесо, карета моя поѣхала шагомъ, а я пошелъ подлѣ нея, почти утопая въ грязи. Надо было идти около четверти мили до ближайшей деревни, гдѣ можно

было перемѣнить или исправить колесо; платье на мнѣ все промокло, и я дрожалъ отъ холода. Признаюсь, находясь въ такомъ непріятномъ состояніи болѣе часа, я начиналъ терять терпѣніе, забылъ даже о моемъ умирающемъ другѣ и готовъ былъ проклинать и вояжъ мой и зимнее время; но вдругъ мелькнула во мнѣ мысль, сколько людей и добрѣе и благочестивѣе меня, кои, можетъ быть, въ это же время несравненно болѣе меня страдаютъ и терпятъ непріятности? Да и что̀ терпѣлъ, и не за свои грѣхи, и не сѣтовалъ Самъ великій образецъ терпѣнія? —А я кто?— *Неключимый рабъ* (а),

(а) Безполезный, ничего не стоющій.

и какое имѣю право требовать, чтобы со мною не случилось ничего непріятнаго? Да и *не достойное ли по дѣламъ моимъ принимаю?* Оставляя все прежнее, нынѣшній даже день во время моего путешествія, такъ ли я мыслилъ, говорилъ, дѣйствовалъ какъ ученикъ Христовъ? И не заслуживаю ли я болѣе наказанія нежели похвалы? Въ этомъ расположеніи мыслей я дошелъ до ближайшей деревни, мы постучались у гостинницы, но всѣ уже спали, и мы еще должны были ждать около четверти часа; наконецъ дверь отворилась и мы вошли; я взглянулъ на часы, было уже одиннадцать часовъ, хозяинъ отвелъ меня въ особую комнату, гдѣ увидѣвъ распятіе, я упалъ на

колѣни и отъ искренности сердца благодарилъ Бога, что мы дошли благополучно, и что вскорѣ я увижу моего друга. Я былъ въ большомъ утомленіи и едва могъ стоять, легъ на диванъ и заснулъ...

13-е Января.

Поутру колесо было исправлено и все готово къ отъѣзду. Мы поѣхали, я чувствовалъ небольшой ознобъ, боль въ головѣ и ломъ въ ногахъ. Вѣроятно вчера, идя за каретою пѣшкомъ, я нѣсколько простудился.

Но тѣлесныя страданія ничего не значили въ сравненіи съ страданіями души. Я не ожидалъ найти больнаго друга моего живымъ.

Надежда и отчаяніе волновали мое воображеніе. Я вздохнулъ и изъ глубины сердца сказалъ: *Господи, да будетъ воля Твоя!*

Наконецъ карета остановилась, я вышелъ и въ изумленіи остановился. Жена друга моего стояла у дверей: «Иди, иди, сказала она, другъ Богомъ благословенный; но какъ ты блѣденъ!» Почти шатаясь, я взошелъ на лѣстницу, отдохнулъ не много въ первой комнатѣ и не знаю самъ, какъ вступилъ я въ эту обитель смерти—мрачную комнату, гдѣ лежалъ больной. Я пожалъ блѣдную и ослабѣвшую руку, которую умирающій едва могъ протянуть мнѣ; я содрогнулся, какое-то невѣдомое чувство пронзило мое сердце, склонилъ лице мое къ ли-

цу друга моего, облитому холоднымъ пòтомъ и, благодареніе Богу, почувствовалъ себя вполнѣ человѣкомъ и—другомъ. Не помню, чтò я хотѣлъ и чего не хотѣлъ сказать въ это время; но благодарю Господа за то, что могъ я плакать. Мнѣ всего болѣе хотѣлось остаться одному у постели больнаго, упасть на колѣни и имѣть возможность плакать и молиться съ полною свободою. «Не огорчайтеся такъ сильно и перестаньте плакать, любезнѣйшій другъ, будьте спокойнѣе, мнѣ надо многое еще сообщить вамъ; мы вскорѣ останемся одни,» сказалъ мнѣ больной довольно твердымъ голосомъ, что нѣкоторымъ образомъ поуспокоило меня. Мнѣ принесли чаю, и хо-

зяйка просила меня нѣсколько отдохнуть; но всякая минута умедлявшая разговоръ мой съ другомъ, умножала мою скорбь и смущеніе.

Чрезъ полчаса, мы остались одни. «Подойдите ко мнѣ поближе,» сказалъ мнѣ другъ мой. О могу ли я запомнить со всею точностію каждое изъ драгоцѣнныхъ словъ его, и не только словъ, но точный, простой и проницательный выговоръ, съ коимъ онъ произносилъ ихъ! Могутъ ли незабвенныя слова эти напечатлѣться въ сердцѣ моемъ неизгладимыми чертами!

Я подошелъ къ нему. «Мнѣ многое и очень многое надо было бы сообщить вамъ, любезный другъ, сказалъ онъ слабымъ голосомъ; но силы мои ослабѣваютъ и не позво-

ляютъ этого и едва ли я въ состоянiи буду сказать вамъ самое нужнѣйшее. Зная вашу ко мнѣ любовь и непритворную дружбу, я не имѣю нужды просить васъ, чтобы вы не отказали мнѣ въ полной вашей готовности выполнить мою просьбу. Во-первыхъ я благодарю Бога и васъ, что вы не замедлили вашимъ ко мнѣ прiѣздомъ, и что имѣю еще великое наслажденiе, при кончинѣ моей, излить мое сердце въ доброе и чистое ваше сердце; я надѣюсь однакоже, что Богъ подастъ мнѣ силы и благословитъ слова мои... Я умираю, другъ мой, нѣсколько еще дней, нѣсколько можетъ быть еще часовъ и меня не будетъ болѣе на землѣ этой. Слава и благодаренiе Богу, что я

могу наконецъ... послѣ неизъяснимыхъ терзаній и бореній, о другъ мой!... перенести мысль о смерти и въ твердомъ упованіи и непоколебимой вѣрѣ въ Господа Іисуса Христа ожидать съ нетерпѣніемъ освобожденія моего отъ грѣховныхъ узъ плоти. Конечно, нѣжная, кроткая, вѣрная и благочестивая спутница въ земной жизни моей жена моя; твои слезы, устремленные твои взоры на меня, другъ мой... Я не въ состояніи теперь ничего болѣе выразить... Но, ахъ! по человѣческой слабости, я не могу быть ко всему этому равнодушнымъ, не имѣю достаточно силы....» Здѣсь онъ остановился на нѣсколько минутъ, замѣтивъ, что душевныя страданія мои и слезы

дѣлали меня неспособнымъ внимать болѣе словамъ его. Послѣ краткаго отдохновенія и молчанія онъ продолжалъ: «да, другъ мой, слезы твои раздираютъ мое сердце, готовое уже остынуть; но съ помощію *Великаго побѣдителя смерти,* я побѣдилъ. Я умру безъ ропота; но (пожимая нѣжно мнѣ руку) я умоляю тебя не оплакивай меня излишно по смерти моей; тебѣ завѣщаю имѣть попеченіе о душѣ жены моей; утѣшь ее сколько возможно, не переставай возбуждать въ ней христіанскія чувствованія, молись за нее. Однако же мы не должны терять время, а дорожить каждымъ мгновеніемъ; я начинаю уже, при слабости моей, ощущать слѣдствія словъ моихъ и

взаимныхъ нашихъ душевныхъ возмущеній. Позволь мнѣ кратко сказать тебѣ, но такимъ образомъ, чтобы слова мои могли проникнуть въ самую глубину души твоей:... Я не былъ христіаниномъ! То, что міръ называетъ лицемѣромъ, тѣмъ безъ сомнѣнія я не былъ; но я не былъ также и христіаниномъ, и... я устрашаюсь, что и ты также не былъ христіаниномъ. Не смущайся этимъ, другъ мой; въ вѣчности ты поблагодаришь меня за эту скорбную рану, которую теперь я наношу душѣ твоей. Мы не были христіанскими друзьями; духъ Христовъ не былъ въ насъ. Дружба наша не была ни основана на немъ, ни оживотворена имъ, ни посвящена славѣ и чести Его. Сколько расто-

чили мы напрасно часовъ краткой нашей жизни въ разговорахъ самыхъ пустыхъ, самыхъ ничтожныхъ, слѣдуя внушеніямъ нашего честолюбія? Другъ мой, Богъ вѣдаетъ, что я говорю, основываясь на долголѣтнихъ, зрѣлыхъ размышленіяхъ. Повѣрь мнѣ, что честолюбіе и неразлучное съ нимъ самолюбіе, даже и то, что міръ называетъ честолюбіемъ возвышеннымъ, благороднымъ, позволеннымъ, есть *мерзость предъ Богомъ*, смертельный ядъ для души, адъ для сердца, которое, при вратахъ только смерти, начинаетъ ощущать безконечность Божію, превыспреннюю возвышенность Христа и Его неизъяснимое смиреніе. Ахъ, любезный другъ! я былъ и честолюбивъ и

самолюбивъ, и сколько сатанинская страсть эта причинила мнѣ горькихъ слезъ и ужаснѣйшихъ душевныхъ потрясеній! Каждое стремленіе этого адскаго чудовища производило во мнѣ такое скорбное, и все болѣе и болѣе углубляющееся впечатлѣніе, что ты не можешь того и вообразить себѣ. О святѣйшія слова Спасителя моего, какъ вы божественно истинны: «*Возносяй себя, смирится: смиряяй же себя, вознесенъ будетъ!*» Господь Іисусъ Христосъ былъ олицетворенное смиреніе; Онъ сказалъ: «что *довольно для ученика, чтобы онъ былъ, какъ учитель его, и для раба, чтобы онъ былъ какъ господинъ его.*» Другъ мой, не забывай никогда этихъ словъ; я умираю, но истина

не умираетъ; *небо и земля прейдутъ, но слова Іисуса Христа не прейдутъ.*

О любезнѣйшій другъ мой, другъ любезнѣйшій! какъ лучшія дѣла человѣческія умаляются, когда они разсматриваются при вратахъ смерти, и когда съ глазъ нашихъ спадаетъ грѣховная оболочка,—скрывающая отъ насъ вѣчность; какъ всѣ проступки наши, казавшіеся доселѣ ничтожными, ничего незначащими, являются теперь собранными въ страшную и ужасъ наводящую громаду! Ахъ, другъ мой! теперь я ясно вижу, что и мои лучшія дѣла, кои считалъ я добрыми, ничтожны и нечисты предъ Богомъ; и какъ слабости мои и проступки, грѣхи юности моей и невѣденія, казавшіеся мнѣ преж-

де ничего незначащими, — велики, важны, убійственны! Какъ худо мы знаемъ самихъ себя среди шума и вихря житейскаго, даже и тамъ, гдѣ обуреванія житейскія не дѣйствуютъ на насъ съ такою силою, какъ среди міра! О какъ страшно и ужасно безмолвіе смерти и вѣчности! Какъ устрашительно тяжкое бремя нашего сердца столь неизъяснимо растлѣннаго! Богъ Творецъ, Искупитель Господь Іисусъ Христосъ! Какія великія слова! Какія возвышенныя мысли! Сколько тысячъ разъ, въ жизни моей, я произносилъ святѣйшія эти слова, не возносясь въ сердцѣ къ непостижимому, вѣчно-поклоняемому Творцу моего существованія, моей жизни и моего безсмертія! Творецъ!

Отецъ всяческихъ! Какимъ именемъ назову я Твое Милосердіе, простившее мнѣ эти неисчислимыя и столь преступныя слабости; какъ назову неизслѣдимое Твое Милосердіе, хотящее чрезъ посредство Единосущнаго съ Тобою Сына Твоего Господа Іисуса Христа изгладить пагубныя ихъ слѣдствія во мнѣ и внѣ меня. Я умолкаю; Ты, да *Ты, Господи, чистѣйшая и безконечная Любовь!*

Другъ мой, три еще важныя обстоятельства тяготятъ мое сердце и совѣсть. У меня остаются нѣсколько крестниковъ, коихъ я обѣщалъ воспитать и наградить по возможности моей; я тѣмъ болѣе считаю себя обязаннымъ это сдѣлать, что Провидѣнію не благоугодно

было благословить меня собственными дѣтьми. Я умоляю тебя, другъ мой, будь отцемъ для нихъ,—они сироты, и собою ты замѣни меня; я назначилъ 400 талеровъ для четырехъ изъ нихъ; жена моя скажетъ тебѣ имена ихъ и мѣсто ихъ жительства. Я тебѣ ихъ поручаю, и въ совершенной увѣренности на твою ко мнѣ дружбу, не скажу ничего болѣе. Въ библіотекѣ моей находится одинъ томъ Натуральной Исторіи Бюфона. По непростительной небрежности со дня на день, я не успѣлъ доселѣ возвратить эту книгу тому, кому она принадлежитъ. Это Г. Л.... Замѣни меня собою, попроси у него за меня извиненія и предложи ему какую изъ библіотеки моей книгу

угодно ему будетъ получить въ замѣнъ того, что я столько времени продержалъ у себя его книгу; отдай ему, что̀ онъ назначитъ, или, если не назначитъ онъ никакой книги, то отдай ему находящееся у меня и дорого мнѣ стоившее превосходное изданіе Горація. Ахъ! много было суетности въ выборѣ моихъ книгъ, много издержано денегъ, кои могъ бы я употребить съ бо́льшею пользою для ближняго, и сколько времени употреблено было на это! О другъ мой! въ столь краткой жизни нашей, каждый часъ долженъ быть драгоцѣненъ для насъ!

Онъ остановился, глаза мои омочены были слезами. Послѣ краткаго отдыха, съ душевною скорбію

онъ продолжалъ: всего болѣе отягощаетъ мою совѣсть вотъ что, любезный другъ мой: увлекаясь нечистыми побужденіями, кои Богъ да не вмѣнитъ мнѣ въ осужденіе и коихъ рѣзкіе слѣды, я умоляю Его, да изгладитъ Онъ въ безсмертной душѣ моей; я умышленно взвелъ клевету на хорошаго и достойнаго человѣка Г. Л...; поди къ нему тотчасъ послѣ моей смерти; я сказалъ бы даже, иди теперь къ нему покуда я еще живъ, если бы не долженъ былъ дорожить каждою минутою, которую провожу съ тобою; поди къ нему и подай ему твою руку, которая теперь сжимаетъ мою, покрытую холоднымъ, предсмертнымъ пòтомъ; скажи ему какія обильныя и горькія слезы

проливалъ я по этому, несчастному для меня, случаю; обними его за меня, а послѣ сходи къ Гг. М... Б... (но я умоляю тебя не старайся оправдывать меня послѣ моей смерти) разскажи имъ какія ужасныя мученія и страданія, клевета эта произвела во мнѣ при послѣднемъ моемъ издыханіи.

Здѣсь, умирающій другъ мой, замолчалъ; я обѣщалъ ему исполнить съ точностію волю его. «Богъ да благословитъ тебя, вѣрный другъ мой,» прибавилъ онъ и позвалъ къ себѣ своихъ домашнихъ. Въ эту минуту сердце мое было такъ спокойно, что мнѣ казалось, будто бы я забылъ почти важнѣйшую въ жизни моей потерю, которую ежеминутно ожидалъ. Онъ заснулъ, а

я поспѣшилъ записать послѣднія слова его въ моемъ журналѣ. О святой часъ! О послѣднія слова умирающаго друга моего, не изглаживайтесь никогда въ душѣ моей! Каждая черта этого величественнаго и выразительнаго лица, да напечатлѣется глубоко въ сердцѣ моемъ и образъ его, да является разуму моему всякій разъ, какъ я буду находиться въ опасности сказать, или сдѣлать что-либо, въ чёмъ, при послѣднемъ издыханіи моемъ, не въ состояніи буду принести чистосердечнаго раскаянія.

18-е Января.

Разставшись вчера съ больнымъ другомъ моимъ, я пошелъ въ свою

комнату, записалъ въ журналѣ моемъ послѣднія слова его и легъ отдохнуть. Сильныя душевныя потрясенія вчерашняго дня и разстройство тѣлесныхъ силъ отгоняли сонъ и я провелъ ночь весьма худо. Поутру, на разсвѣтѣ, я пошелъ къ больному и нашелъ его слабѣе вчерашняго; онъ былъ въ большомъ утомленіи, не спалъ; но глаза у него были закрыты. Вскорѣ пришелъ медикъ, почтенный Г. Б.; онъ осмотрѣлъ больнаго и назначилъ ему другое новое лѣкарство.

Послѣ этого Г. Б. взялъ меня за руку, и мы вышли съ нимъ въ другую комнату. «Я не имѣю никакой надежды въ больномъ нашемъ другѣ,» сказалъ мнѣ съ сер-

дечною горестію почтенный медикъ. «Человѣческое искусство истощено, мы дѣлали все, что могли; но вы сами знаете, любезнѣйшій другъ Г. Лаватеръ, что жизнь и смерть въ рукахъ Того, кто обладаетъ *державою жизни и смерти.* Медикъ есть только служитель натуры, онъ долженъ слѣдовать ея указаніямъ и употреблять средства, предлагаемыя наукою. Великій Гиппократъ написалъ въ своихъ Афоризмахъ: *Natura morborum medicatrix* (б), и если истинный *врачъ душъ и тѣлесъ* не вразумитъ медика и не благословитъ врачеванія, то повѣрьте мнѣ, любезный другъ, что мы ничего не успѣемъ и не можемъ

(б) Натура есть врачъ болѣзней.

сдѣлать. Около 40 уже лѣтъ я занимаюсь врачебною практикою, много было пацiентовъ на рукахъ моихъ. Богъ часто благословлялъ труды мои, много больныхъ выздоравливало, но многiе и не перешли предѣла имъ положеннаго. Напрасно люди обвиняютъ или прославляютъ медика, приписывая изцѣленiе больнаго человѣку или лѣкарствамъ, исцѣляетъ и жизнь отъемлетъ Господь; если же иногда фармацевтическiя средства намъ помогаютъ, то потому только, что ингредiенты, изъ коихъ они составляются, менѣе нечисты, нежели мы сами, и не подверглись въ такой степени проклятiю, которое нѣкогда изречено было на *землю въ дѣлахъ человѣка*. И такъ, поч-

тенный Господинъ Пасторъ, станемъ ожидать, что Господь Богъ благоволитъ совершить. Теперь искусство и усилія человѣческія не могутъ ничего болѣе сдѣлать.»

Хотя и прежде я видѣлъ, что другъ мой умираетъ, но слова почтеннаго Господина Б. сдѣлали сильное потрясеніе въ душѣ моей; ибо вообще мы всегда любимъ себя обманывать, обольщать себя надеждою и думать, что можетъ быть съ нами не случится того, чего не желаемъ. Кончивъ разговоръ нашъ мы вошли въ комнату къ больному, котораго Господинъ Б. опять осмотрѣлъ и сказалъ, что послѣ обѣда онъ придетъ.

Все послѣобѣденное время прошло тихо и съ больнымъ не случи-

лось никакихъ измѣненій. Относительно же до меня: то иногда размышляя, другія минуты проводя въ слезахъ, вздохахъ и молитвѣ, бо̀льшую же часть времени я провелъ въ совершенномъ спокойствіи духа у постели моего друга. Все, что̀ я могъ дѣлать, состояло въ томъ, что прочелъ ему двѣ напутственныя молитвы для умирающихъ, и то отрывками, и часто прерываемыя моими слезами. Замѣтно было, что молитвы эти сильно трогали его; онъ съ глубокимъ чувствомъ повторялъ многія слова, но не произносилъ никакихъ другихъ словъ. Сердце мое обливалось кровью, когда я чувствовалъ себя столь неспособнымъ выразить ему словами то, что считалъ нужнымъ къ успо-

коенію и ободренію умирающаго. Онъ былъ чрезвычайно слабъ и, какъ казалось, находилъ нѣкоторое наслажденіе въ безмятежномъ успокоеніи, дозволявшемъ ему свободно размышлять и воздыхать. Хотя и я вздыхалъ также часто, какъ умирающій другъ мой; но не чувствовалъ въ себѣ однакоже влеченія къ молитвѣ положительной.

Я взялъ мой журналъ, началъ писать, но весьма часто оставлялъ его, уходя къ больному. Теперь, собравшись нѣсколько съ мыслями, излагаю въ немъ ощущенія мои, занимающія меня при смертномъ одрѣ моего друга, ибо заранѣе знаю, какое впечатлѣніе такія воспоминанія производятъ, впослѣдствіи, въ моемъ сердцѣ.

.....Одинъ изъ лучшихъ друзей моихъ на землѣ умираетъ въ глазахъ моихъ, умираетъ тотъ, кто столь часто бывалъ въ объятіяхъ моихъ!....· Но благодареніе Богу, миръ и небесная безмятежность наполняютъ его душу и въ тишинѣ и безмолвіи возжгли уже въ ней пламенное желаніе безсмертія..... О могу ли я нѣкогда быть такъ же спокоенъ и имѣть такое же упованіе и такую же преданность къ Провидѣнію, какъ онъ! Но послѣднія слова его,..... онѣ доселѣ еще проницаютъ все существо мое! Да, святая душа, я пріобрѣлъ истину чрезъ слова твои, но устрашился собственнаго своего сердца. Когда ты оставишь землю, а я останусь еще на ней, то знаю, я предчув-

ствую, какъ забуду..... Но ахъ! могу ли забыть послѣднія слова твои, вѣрнѣйшій другъ мой? О ненавистное, адское самолюбіе, неужели ты все еще будешь владычествовать надо мною? чтобы освободиться отъ тебя, свергнуть съ себя тяжкое бремя твое, я столько ужъ разъ плакалъ предъ Господомъ моимъ..

Больной попросилъ пить, я подалъ ему стаканъ отварной воды съ малиновымъ сиропомъ. «Какая отрада, какое незаслуженное облегченіе, сказалъ онъ.» Сколько бѣдныхъ людей должны лишаться того, что теперь подаетъ мнѣ Господь Богъ мой, Богъ милосердый и незлобивый. Ахъ, братіе и сестры мои! всѣ вы, томящіеся въ эту минуту также какъ и я въ бореніяхъ

со смертію, предъ вратами вѣчности, почему не могу я прохладить палящій васъ жаръ, какъ Господь прохладитъ меня и въ тѣлѣ моемъ и душѣ моей.»....

Больной утихъ, казалось, что онъ заснулъ. «Не оставляйте меня,» сказала мнѣ жена его. «Дружба его поручила меня вамъ.»— Ахъ! отвѣчалъ я, дружба моя съ вашимъ мужемъ будетъ всегдашнимъ ручательствомъ сердечнаго моего къ вамъ расположенія: дай Богъ только, чтобы я долѣе прожилъ въ вашемъ сосѣдствѣ. Я прочелъ ей въ моемъ журналѣ то, что до нее касалось. Она заплакала.

Мы спокойно сидѣли, все было тихо, но какой ужасъ! намъ послышалось вдругъ, что-то похожее

на предсмертное хрипѣніе. Мы подошли къ постелѣ больнаго и дѣйствительно дыханіе его сдѣлалось труднѣе, глаза были открыты, неподвижны и какъ бы остановились, руки у него дрожали. Станемъ на колѣни и будемъ молиться, вскричалъ я, и склонивъ голову къ постели умирающаго, я молился вслухъ, проливая потоки слезъ: «Господи, Боже всякаго милосердія и щедротъ, буди милостивъ къ сему умирающему другу нашему. Онъ твореніе Твое, помилуй его по великой милости Твоей; Единородный Сынъ Твой Господь нашъ Іисусъ Христосъ умеръ за него. Укрѣпи его, пролей свѣтъ Твой въ душу его, Любовь вездѣсущая и все наполняющая; да восчувствуетъ онъ

во всей силѣ и полнотѣ милосердіе Твое! Да насладится онъ среди смертныхъ бореній, зрѣніемъ безконечныхъ радостей, уготованныхъ Тобою праведнымъ! О Христе! вкусившій смерть за всѣхъ и за сего умирающаго раба Твоего! Ты вѣдаешь, что̀ есть и значитъ смерть для всѣхъ земнородныхъ и для него отходящаго теперь къ Тебѣ; Ты смертію Твоею одолѣлъ смерть; Ты преисполненъ Благостію и могуществомъ и можешь подать крѣпкую помощь борющимся со смертію. Очисти его, освяти его, и духъ его тѣло и душа да пребудутъ чисты и непорочны ко дню пришествія Твоего! Подай ему бодрость духа, да не устрашится онъ смерти. Исполни его сладостію и

блаженствомъ любви Твоей, да сподобится онъ со дерзновеніемъ и неосужденно предстать предъ свѣтомъ лица Твоего. Подкрѣпи его Господи, спаси его силою Твоею и содѣлай его вѣчно блаженнымъ.»

Въ этихъ почти выраженіяхъ заключалась моя молитва и благодареніе Богу, я могъ молиться отъ глубины души моей и съ живою вѣрою.

Вставши, я увидѣлъ, что умирающій былъ нѣсколько спокойнѣе и какъ будто бы посвѣжѣе; я пересталъ молиться. Сердце мое говорило мнѣ: «*продолжай,*» но колѣни мои отказывались отъ преклоненія. Чтобы нѣсколько поосвѣжиться, я подошелъ къ окну; ночь была прелестная, луна блистала въ

полномъ свѣтѣ; блѣдные лучи ея отражались на меня и падали на постель умирающаго моего друга; я погружался въ какую-то неизъяснимую таинственную меланхолію; но ко мнѣ подошла жена умирающаго, которая отъ чрезмѣрной горести была почти въ отчаяніи. «Возлюбленный другъ нашъ,» сказалъ я ей, «вскорѣ побѣдитъ и освободится навсегда отъ скорби и печали. Мы видимъ уже въ какомъ безмятежномъ, небесномъ находится онъ успокоеніи; какъ душа его свѣтла и вѣроятно тѣло его не чувствуетъ уже никакихъ болѣе страданій. *Возверзите печаль вашу на Господа,* покоритесь съ преданностію и безропотно святой волѣ Его и помните, что Богъ—отецъ его, а Іисусъ—

вѣрный и вѣчный братъ и другъ его. Еще нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, любезнѣйшая моя, не много лѣтъ и вы навсегда уже будете вмѣстѣ, никогда не разлучитесь болѣе.»— «Ахъ, другъ мой!» отвѣчала она, «не оставляйте меня; почему не можете вы остаться здѣсь навсегда? Но когда не будетъ болѣе на свѣтѣ того, кто былъ единственною радостію и утѣхою сердца моего и вы уѣдете, то, что̀ за жизнь моя будетъ! Да, я чувствую въ полной мѣрѣ всю важность вашей потери и тягость вашей горести, сказалъ я; но другъ нашъ и за гробомъ будетъ молить Бога о дарованіи вамъ благословенія и силы къ перенесенію вашей скорби. Я знаю и всѣ благочестивыя души знаютъ,

что *чистое и непорочное благочестіе и истинная вѣра состоятъ въ томъ, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ скорбяхъ ихъ и несчастіи,— «и сохранять себя неоскверненнымъ отъ міра,»* прибавилъ умирающій довольно твердымъ и внятнымъ голосомъ и обратясь къ намъ лицемъ. Мы вздрогнули, наклонились къ его постелѣ, смотря другъ на друга. Ахъ! онъ насъ видитъ и все слышитъ: горе намъ, если мы когда-либо забудемъ великое напоминовеніе, которое онъ теперь намъ оставляетъ!

Ничего не было бы естественнѣе и приличнѣе въ это время, какъ молиться при немъ вслухъ, или прочитать ему тексты Святаго Писа-

нія, которые согласовались бы съ состояніемъ, въ коемъ онъ находился. Но единъ только Богъ вѣдаетъ какого рода робость, или стыдливость меня удерживали и какъ я чувствовалъ себя неспособнымъ къ развитію въ умирающемъ тѣхъ чувствованій, кои могъ онъ, предъ этимъ, выразить. Я старался утѣшить себя мыслію, что онъ не имѣетъ нужды въ моемъ содѣйствіи и что самъ собою былъ въ состояніи питаться усладительными истинами Евангелія. Однакоже при всѣхъ усиліяхъ моихъ я не могъ, безъ душевнаго смущенія, принудить себя забыть, что въ этомъ случаѣ я совершенно уклонился отъ той истинной Христіанской простоты, которая неожиданно и внезапно

производитъ то, что *отъ полноты сердца уста глаголятъ.*

Наконецъ пришелъ почтенный Господинъ Б. «Что больной нашъ?» я разсказалъ ему, что происходило съ нимъ въ теченіи дня; онъ подошелъ къ больному, который нѣжно пожалъ ему руку: «какъ вы себя чувствуете? Я нахожу васъ въ лучшемъ состояніи, нежели какъ оставилъ васъ утромъ.» «*Crastinè videbas cadavram!* (в)» отвѣчалъ больной и довольно твердымъ голосомъ, взглянулъ на насъ и закрылъ глаза. Мы отошли отъ постели больнаго, поговорили съ почтеннымъ медикомъ, который сказалъ, что лучше не безпокоить его лѣкарствами и не

(в) Завтра увидишь бездыханный трупъ!

нарушать этого безмолвнаго успокоенія, въ коемъ, повидимому, онъ находился.

До полуночи больной былъ въ одномъ почти состояніи; но дыханіе его становилось все слабѣе, онъ не говорилъ болѣе. Чтобы болѣе сопротивляться сну, я взялъ журналъ мой и началъ писать. Жена его сидѣла подлѣ меня и не переставала плакать. Но намъ послышалось, что больной пересталъ дышать. Мы подошли къ нему съ свѣчею и съ ужасомъ увидѣли, что онъ былъ при послѣднемъ уже концѣ. Жена его начала рыдать. «Онъ умираетъ, умираетъ, вскричала она; Господи сжалься надо мною!» Тогда я могъ, среди слезъ моихъ, произнести громко, изъ глубины сердца,

слѣдующія великія слова: «*Я есмь воскрешеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ. И всякой живущій и вѣрующій въ Меня не умретъ вовѣкъ,*»

«Святыя слова эти,» сказалъ я женѣ его, умирающій другъ нашъ чувствуетъ сильнѣе, нежели сколько мы можемъ себѣ это вообразить. Едва я успѣлъ кончить, какъ онъ испустилъ послѣднее дыханіе. «Господи Іисусе! онъ умеръ,» вскричала жена его, «наклонясь къ нему, «онъ умеръ, умеръ!»— Я хотѣлъ было ее успокоить и разувѣрить въ этомъ, но когда самъ посмотрѣлъ со вниманіемъ и положилъ руку мою на блѣдное лице его , тогда вся бодрость моя и надежда исчезли. Я едва могъ устоять на ногахъ, сѣлъ,

повторяя громко и плача: «онъ умеръ!» Ахъ! какъ сильно въ эту минуту я чувствовалъ дѣйствительность этого слова: *умеръ!*

При всей горести моей, я долженъ былъ однакоже подумать о несчастной женѣ умершаго моего друга; удержать скорбь мою и стараться сколько возможно если и не утѣшить ее, то по крайней мѣрѣ нѣсколько успокоить.

Мы обернули умершаго чистою простынею, я благословилъ его, а жена его въ слезахъ пошла въ свою комнату. Чувствуя себя весьма не хорошо, я думалъ, что мнѣ сдѣлается дурнота; но посидѣвъ нѣсколько минутъ, я пришелъ въ себя, подошелъ къ усопшему, поклонился ему и началъ молиться: «Госпо-

ди! что есть смертный человѣкъ? и что я, еще живущій теперь! Меня также обернутъ простынею; руки эти, которыя возношу къ Тебѣ, охладѣютъ нѣкогда и окостенѣютъ; слезы изсякнутъ въ глазахъ моихъ; взоры мои потухнутъ и уподобятся угасшимъ и лишеннымъ любви умершаго друга моего. Языкъ мой умолкнетъ, я буду лежать неподвижно и не услышу добро или зло скажутъ обо мнѣ предъ бездыханнымъ тѣломъ моимъ!» Ахъ! какъ въ это время выразительно я чувствовалъ то, что тысячи разъ въ жизни моей я повторялъ съ безпечнымъ равнодушіемъ, чему часто улыбался съ нѣкоторымъ видомъ непріятности и неудовольствія, какъ *общимъ мѣстамъ* (loci communes)— чувство-

валъ то, что я смертный. О какая разность говорить объ истинѣ и чувствовать истину!

Я пошелъ въ свою комнату, записалъ въ журналѣ моемъ послѣднія происшествія дня; хотѣлъ было еще посидѣть и заняться, ибо сколько было случаевъ и предметовъ для чувствованій и размышленій, но чувствовалъ совершенное изнеможеніе и едва могъ помолиться, заключивъ краткую молитву мою слѣдующими словами: «Господи! если по изреченію Пророка Твоего, *смерть грѣшнику люта,* то по Твоему же Святому обѣтованію *честна предъ Тобою смерть преподобныхъ Твоихъ.*

КОНЕЦЪ.

Антикварная
книжная торговля
В. Клочкова
Спб. Литейный 55

LB N 14